

Миясат Муслимова

Родилась в 1960 г. в селе Убра Республики Дагестан. Печаталась под псевдонимом Мариян Шейхова. Поэт, переводчик, литературный критик, писатель, публицист, педагог, ученый. Председатель дагестанского отделения Союза российских писателей, президент Клуба писателей Кавказа. Член Международного Союза писателей Иерусалима. Автор одиннадцати книг. Стихи переводились на семь языков. Лауреат премии им. Расула Гамзатова и др.

Май

А в мае юная листва
Сама себе лепечет песни,
Восторга ветреного вестник
Читает музыку с листа.

И веток тонкие запястья
Качая бережно крылом,
Подарит день простое счастье
Смотреть на небо за окном.

Пусть тает в тучах синева
И дождь шумит и не смолкает,
Жизнь прорастает, как трава,
И, как роса, по ней стекает.

Изабелла

Нефритовый трилистник и роса,
Бирюзовый бисер винограда,
В сизых гроздьях гибкая лоза,
Изабелла в лабиринтах сада...
Терпких вин мне пить не довелось,
Я и не искала их обмана.
Что прекрасней, чем тугая гроздь
В нотах земляники и шафрана?

Обманула взрослость, обожгла —
Столько лет у возраста в осаде.
Я бы всё, что было, отдала
За свободу и царапки ссадин,
За босое детство и за сад,
Замерший над речкой на закате,
И в просветах неба виноград,
И озноб холодной благодати...

Тополь

Живёт открыто тополь на ветру,
Зелёной кроной в небе утопая.
Заворожён с детских лет смотрю,
Как высота бесстрастно голубая
Взирает на смятение ветвей,
На их поклонный трепет, наступленье,
Круги отчаянья, порывы и паденье,
И новый шторм, и блики озаренья
На лепестках от солнечных лучей,
И вновь порыв, и горечь пораженья,
Но только не смирение и страх.
О, эти кроны в гулких небесах...

Кто даровал незыблемость корней
Высоким кронам, взлёт их укрощая,
И крепкий ствол — смятению ветвей,
Паденья и порывы им прощая?
Кто благодатью трепетной листвы,
Младенчески-прекрасной и ранимой,
Объятай ветром, осенью гонимой,
Не утолял тоски неутомимой
По высоте небесной синевы,
В душе людской с рождения хранимой,
Как птичий зов в беспмятных лесах?..
О, эти кроны в гулких небесах...

Когда ты свободно идёшь к небесам

У прошлого столько случайных дорог,
Одни перепутья, туманы, провалы.
Отброшена жизнью за отчий порог,
Боишься и ищешь путей небывалых.

Вот радужный мост — не его ли искала?
Взойдешь — и срываешься в топи болот,
Горючие камни одни или скалы
Без надписи: прямо, назад, поворот...

Ни страшные сказки, ни добрые сны
Навстречу не вышли. Не найден Учитель,
И только под вечер из тайной казны
Уронит богатства твой ангел-хранитель.

И вдруг ты увидишь за лесом деревья,
За ними — прозрачную звёздную нить,
За ней — караванами птичьи кочевья,
А воздух такой — его пить бы да пить...

Всё тайное явно — узнаем под вечер.
Смотри — он навстречу спускается сам.
И видится лучше, и дышится легче,
Когда ты свободно идёшь к небесам.

Не говори

В водовороте палая листва
И тонкий лёд небесного покрова...
Подвластно всё законам естества,
Чтобы уйти и возвратиться снова.

Затих пчелиный гул до холодов,
Приморский город вымыт сквозняками.
Ты говорить о главном не готов,
А я смотрю опять за облаками,

Чтобы они не сбились невзначай,
Не растворились в небе без следа.
А если скажешь главное случайно,
Мне легче не услышать, не беда.

В водовороте палая листва,
Прощальный лёд небесного покрова.
Верна природа таинству родства:
Вернётся то, что умереть готово.

Может быть

Ни лесов и ни птичьих гнёзд,
Хриплый крик одичавшей птицы.
Кто-то высосал кровь из звёзд,
И без них потускнели лица.

Ходит ветер в обнимку с дождём,
Лунный саван струится мутно.
Может быть, эту жизнь переждём
И проснёмся в другой наутро?

Поэзия

Поэзия — дело седых.

В. Шаламов

Волна золотого загара,
Обветренный профиль и дым,
И жизнь не река — Ниагара.
Зачем им стихи, молодым?
У мира и нрав, и повадки —
Заманчив и трезв без прикрас.
Пусть жизнь украдёт без остатка
У вольной поэзии вас.

Стихи — возвращённая юность
И жизни ушедшей фантом.
На твёрдость пожатья, упругость
В движении сердца простом
Сменить ли тревожное слово,
Густые чернила кровей?
Но нет, лишь сейчас я готова
Отдать жизнь за слово о ней.

Ни трудности, ни боль и ни беда

Ни трудности, ни боль и ни беда
Не видели слезы моей ни разу,
И лишь теперь, как стала я седа,
Не сладить мне ни просьбой, ни приказом
Ни с разумом, ни с пленною душой:
От рук отбившись, плачет от простого —
От добрых слов и ласки небольшой,
От теплоты участия людского.
Нет, не ко мне — к любому существу —
И с этой слабостью мне надо бы бороться,
Но есть в простом служенье Божеству,
Которое в себе не узнаётся.

Мигель Эрнандес

Не тяжко ли дыхание земли?
Пастух-поэт шершавыми словами
Считает дни, стада идут в пыли,
А он — за посохом, и синь — над головами.

Лицо в рубцах распаханых морщин,
Иссечены подошвы ног камнями.
Смотри, среди сиреневых лощин
В Леванте рощи плачут соловьями!

Что соловьи, когда от козьих стад
Вечерний свет вдоль склонов гор таится?
Склоняясь к чреву коз, он слышать рад,
Как молоко под выменем струится.
Ни царства, ни полцарства от богов,
Лишь стадо коз в окрестностях Вселенной,
И небо над созвездием рогов,
И храм корней, и вздох земли смиренной.

Самая лучшая потеря

Самая лучшая потеря — это потеря времени.
Берёшь его в ладонь, протягиваешь руку к ветру
и смотришь, как он рассеивает его сквозь пальцы.
А ещё лучше терять время, считая овечек
на краю неба и на берегу моря,
следить за тем, чтобы они не смешивались,
разгонять их прищуром глаз
и смеяться над солнцем,
когда оно в полдень
смеётся над тобой.

Хорошо теряется время,
когда не следишь за тем,
как день прячется в сумерки,
чтобы внезапно рухнуть с высоты южной ночи
в твой сад, пропитанный ароматом айвы
и пением сверчков.
Не считай их,
запомни одного,
святящегося сквозь пальцы маленького лезгина,
рождённого из виноградной косточки в Татляре.
Пусть он называет себя Джонни,
пока ещё не научился танцевать лезгинку.
Когда он разожмёт ладонь
и протянет тебе сверчка,
его уже будут звать Рамиз.
Хорошо, что ты потеряла время,
это помогает найти то,
что нельзя потерять.

А ты знаешь,
что потерянное время прячется рядом?
Не ищи его,
оно этого не любит
и повернётся к тебе спиной.
Ничего нет хуже убегающего времени,
поэтому просто укрой его
за своей спиной на траве
и слушай, как поют цикады,
раскачивая свой хор между кронами деревьев,
затихая у твоего дремлющего уха
и победно взмывая к облакам.

А облакам терять нечего,
потому что у них вообще нет времени.
Но они знают,
что когда ты вернёшься к ним,
из всей твоей долгой жизни
лучшим окажется время,
о котором мы говорим.

Мы люди из комнат

Отложим простое на завтра, мой друг,
На месяц, на год, на когда-то,
И всё потеряем, забыв, что вокруг
Готовится мир стать утратой.

Мы люди из комнат. Четыре стены,
Как панцирь улитки, надёжны.
Пусть ездили, плыли, летали, верны
Инстинкту открытий дорожных.

Природа как селфи, удобство как день —
Природа ли это, не знаю...
Но шорохи ночи, полночная тень,
И молния в небе резная,

Зарницы и грозы, туманы
И морок шумящих лесов,
Промозглых озёр караваны,
Мерцание дальних костров,

Летающие листья берёзы,
Кресты придорожных могил —
Всё полно тревог и угрозы
И тайных играющих сил.

И только как часть этой силы
Я есть, остальное — лишь страх,
Всё то, что люблю и любила,
Живёт на семи ветрах.